

DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-35-49

*В. В. Архипова*¹

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: НООПОДХОД И РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В условиях обострения межстрановых конфликтов, финансово-экономических кризисов, непредсказуемых эпидемий, нарастания угроз и рисков существованию человечества особую актуальность приобретают вопросы интеграции и солидаризма. Существующие теории интеграции и подходы к её трактовке весьма специфичны в силу концентрации преимущественно на экономических и политико-экономических процессах, а также их «заточенности» под Евросоюз. Цель настоящего исследования – выработка альтернативного подхода к определению и анализу интеграции на основе теории ноономики С. Д. Бодрунова. Приводятся доказательства превышения оценки результатов евроинтеграции, основанной на создании идеализированного имиджа этой интеграционной группы как непрерывно прогрессирующей и образцово-показательной модели, выделяющейся на фоне остального мира. Излагаются базовые положения и выводы теории ноономики, её «параллели» и итоги «стыковки» с теорией смены технологических укладов и концепцией смены мирохозяйственных укладов С. Ю. Глазьева. Вводится понятие нооинтеграции, выделяются её основные стадии, анализируются различия и соотношение её процессов с классическими интеграционными. Объясняется, почему нооинтеграция предпочтительнее для гармоничного соразвития евразийского пространства и стран-участниц, нежели классическая интеграционная модель.

Ключевые слова: интеграция, ЕС, ноономика, ноопереход, ЕАЭС, евразийское пространство, нооинтеграция.

УДК 330.352

Традиционно в экономической литературе и экономико-политическом дискурсе наиболее ярким символом интеграции, её глубины, эффективности и впечатляющих достижений считается Европейский союз (ЕС). В общественном сознании укоренилось представление о том, что именно эта региональная интеграционная группа является наиболее развитой и продвинутой в мире, а участие в ней привлекательно с точки зрения перспективы решения экономико-социальных проблем. В качестве научного обоснования обычно приводят чётко выделенные стадии экономической интеграции и триумфальное восхождение европейских стран к её вершинам.

Особенно значимыми интеграционно-экономические достижения ЕС представляются при их сравнении со скромными попытками интеграции и результатами интеграционных усилий остальных государств и регионов, в частности, с так называемой бумажной интеграцией [1, с. 31] стран постсоветского пространства. Нередко в нега-

¹ *Виолетта Валерьевна Архипова*, старший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики РАН (117218, РФ, Москва, Нахимовский пр., 32), канд. экон. наук, e-mail: q123zv@yandex.ru

тивном контексте упоминается стремление последних к развитию и расширению ЕАЭС, их объединению с азиатскими странами (тем более – с территориально отдалёнными латиноамериканскими и африканскими) в рамках БРИКС, ШОС или Большого Евразийского партнёрства. Реальные и потенциальные плоды таких партнёрств представляются скептикам ничтожными, а перспективы – более чем туманными, поскольку здесь якобы всё держится исключительно на политической воле и инициативе руководителей.

Цель настоящей работы – переосмысление традиционных подходов к определению и оценке интеграционных процессов (в том числе на евразийском пространстве) на основе теории ноономики [2, 3], а также роли России в становлении нового технологического уклада (ТУ) и интегрального мирохозяйственного уклада (МХУ) [4].

Традиционный подход к анализу интеграции

Традиционно понятие интеграции тесно связывается с экономикой. Так, под международной интеграцией чаще всего понимают «объективный, осознанный и направляемый процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания **национальных хозяйственных систем, обладающих потенциалом саморегулирования и саморазвития**», в основу которого закладывается **экономический интерес** субъектов хозяйственной деятельности и разделение труда [5, с. 276, с авторскими выделениями].

На основе той же экономической парадигмы в традициях, заложенных Б. Балассой, выделяются довольно чёткие стадии развития интеграции, несколько видоизменяемые в зависимости от подхода, избранного авторами для исследования (например, [6] со ссылкой на работы упомянутого теоретика интеграции). При этом, несмотря на достаточно символические различия в вариациях, в них заложен классический «костяк», с помощью которого «конструируются» модели и выделяются стадии экономической интеграции.

Традиционно приводят около 5-6 последовательных этапов, различающихся по степеням свободы. Эти этапы должна пройти каждая интеграционная группа, стремящаяся ко всё более тесному объединению. К ним относятся: нулевой – преференциальные торговые соглашения (ПТС); первый – зона свободной торговли (ЗСТ); второй – таможенный союз (ТС); третий – общий рынок (ОР); четвёртый – экономический и валютный союз (ЭВС); пятый – политический союз (ПС), иногда добавляемый к списку чисто экономических стадий и сопровождающий их как наивысшая стадия региональной интеграции (см. таблицу).

Базовые этапы развития интеграции*

Этап	Знаковые моменты, выделяемые внутри группы				
	Снижение тарифов	Отмена тарифов	Единый тариф для третьих стран	Свобода мобильности <i>L</i> (труд) и <i>K</i> (капитал)	Единые валюта и экономическая политика
0. ПТС	√	-	-	-	-
1. ЗСТ	√	√	-	-	-
2. ТС	√	√	√	-	-
3. ОР	√	√	√	√	-
4. ЭВС	√	√	√	√	√
5. ПС	Особая стадия с выходом за пределы чисто экономических				

*Доработано и дополнено авторами на основе [7, с. 340–341; 5, с. 288; 8, с. 22].

Данная классификация нередко критиковалась из-за излишней концентрации на экономической составляющей и вынесения за скобки сфер культуры, науки и образования, экологии и т. п. Тем не менее в определении интеграции продолжали превали-

ровать (и сохраняются) акценты на «игре с положительной суммой» (т. е. на получении выгоды, сводимой к экономической результативности, и экономически осязаемых эффектов от создаваемой целостности), самовыделении на этой основе интеграционной группы и её обособленности от мира (участии группы стран в «процессе глобальной стратификации мира» [8, с. 15–18, 23]) в целях получения «преимуществ» за счёт остальных, первоочередности экономики как одной из сфер охвата общественной жизни.

Среди классических факторов, условий и предпосылок, определяющих вероятность и возможность интеграции (экономической), а также её эффективность в будущем, как правило, отмечают следующие (приведено на основе [5, с. 281–286]):

1) близость основных показателей, отражающих общий уровень экономического развития стран-партнёров;

2) выбор стадии экономического подъёма для старта интеграции, что благоприятно сказывается на повышении эффективности интеграционных процессов;

3) пространственно-географическая близость стран-участниц;

4) политическая воля и заинтересованность руководства государств-партнёров в интеграции;

5) готовность стран-участниц создавать наднациональные институты и делегировать им ряд полномочий;

6) *естественное выделение или искусственное создание «гегемона» интеграции* (что оправдывается положениями *теории гегемонистской стабильности* [9], призывающей воспринимать данную идею адекватно, а также *практической необходимостью централизованной инициации и стимулирования интеграционных процессов*) – государства-«лидера» либо группы стран внутри интеграционного сообщества, которым будут подконтрольны рынки сырья, капитала, производство высокотехнологичной продукции и иные значимые для конкретной интеграционной группы рынки.

Мы ограничимся кратким описанием основных положений традиционного подхода к определению и анализу интеграции, на основе которого преимущественно и оцениваются глубина и продвинутость интеграции по регионам. Безусловным и непревзойденным лидером здесь на протяжении нескольких десятков лет признан Евросоюз, за которым в интеграционном рейтинге следуют недалеко ушедшие в данном направлении интеграционные группы. Среди них упоминаются ЦЕФТА, НАФТА, АСЕАН (с расширением формата), АТЭС, ЛАСТ-ЛАИ, МЕРКОСУР, КАРИКОМ, многочисленные африканские субрегиональные группы и ряд интеграционных объединений в постсоветской части евразийского пространства.

«Образцово-показательная» интеграция в ЕС. А такова ли она?

Интеграция (с упором на экономическую составляющую) в ЕС традиционно считается образцово-показательной (особенно на фоне остальных интеграционных групп в мире). Среди вариантов развития Евросоюза выделяется сценарий формирования «нового сообщества и супергосударства – Соединенных Штатов Европы» [10, с. 75].

В чём секрет «успеха» ЕС?

Не отрицая позитивные аспекты евроинтеграции (ряд из них присущ и иным интеграционным моделям), посмотрим на ЕС «вооружённым глазом» – не сквозь «розовые очки» идеализации европейских достижений, а через призму объективных оценок и непредвзятого анализа.

Во-первых, нетрудно заметить *грамотное и целенаправленное формирование имиджа анализируемой интеграционной группы в мире при сравнительно скромных реальных результатах интеграции.*

Так, практически все ключевые направления теории интеграции, включая актуальные и востребованные (в том числе с критериями оценки условий и эффектов интеграции), созданы и в своём развитии «заточены» под Евросоюз (и навряд ли подходят для других государств и регионов²). Нередко они выглядят как банальная «научно обоснованная» констатация «уникальности» и «прогрессивности» модели ЕС либо как специально созданные разработки для конкретных нужд с учётом особенностей и сложностей европейской интеграции, призванные сформировать определённое представление о ней и объяснить происходящие в её рамках процессы как объективные. В числе таких теорий выделяются федерализм [8], неофункционализм, межправительственный подход, постфункционализм [11].

Более того, львиная доля широко известных «классических» теоретических разработок по интеграции (с особым упором ряда из них на экономику и политико-экономический интерес стран-участниц, а также выделенными стадиями, предпосылками, факторами, методологиями оценки и т. п.) есть не что иное, как «доказательная база», подведённая под существовавшие на европейском пространстве до экономической интеграции или назревшие ранее процессы, которые с высокой долей вероятности нигде в мире неповторимы.

Подчеркнём, что часто эффекты, полученные в интеграционный период, обусловлены не столько моделью интеграции, сколько существовавшими (независимо от интеграции и до её начала) условиями и трендами развития. Более того, во многих случаях в модели евроинтеграции невозможно доказать, усилились в результате интеграции позитивные для отдельных её участников тренды или нет, а, может, и вовсе «сошли на нет» под давлением внутригрупповых факторов в ходе развития интеграции. (Есть бесчисленное множество примеров «ущемления» экономических интересов участников евроинтеграции – взять хотя бы падение промышленного производства в базовых секторах экономики стран юга Европы или недавний отказ Венгрии от ряда санкций в отношении России в связи с абсолютной их ущербностью для самой Венгрии.) Существующие подходы и методики оценки эффектов интеграции не позволяют получить однозначные выводы относительно возможной реализации этих эффектов вне интеграционной модели.

Что до стартовых условий евроинтеграции и её становления, то, рассматривая торговые эффекты интеграции на европейском пространстве, надо учитывать, что эти страны с давних времен торговали между собой значительно больше, чем с остальными, неевропейскими, государствами и регионами мира. Ещё до начала интеграции они были тесно связаны экономически, в том числе в силу перечисленных выше факторов. Так, в 1860, 1910 и 1996 гг. основным торговым направлением для стран Европы было европейское, о чём свидетельствуют его доли (в % от совокупного показателя) по экспорту (67,5, около 68 и чуть более 76 соответственно) и импорту (61, 60 и 70,7 соответственно). Причём евроинтеграция, хотя и усилила процесс регионализации европейской торговли, всё же не оказала на неё принципиального или масштабного влияния [12, с. 16].

² К примеру, географический фактор – одно из условий успешности интеграции. Совершенно ясно: то, что подходит для оценки эффективности в территориально компактной Европе (в том числе «лекала», используемые для анализа процессов с позиции снижения транспортных расходов и т. п.), неприменимо для получения объективных выводов по интеграции таких крупных стран, как Россия, Казахстан, Китай, Индия, Бразилия, США, Канада, Мексика в рамках той или иной интеграционной группы.

В связи с этим возникает вопрос: далеко ли в реальности (и куда?) продвинулись европейские страны в ходе своей интеграции, и каковы её динамика и «плоды» для стран-участниц?

Прежде всего, отметим, что в международной практике накоплен внушительный опыт создания и использования различных индикаторов эффективности экономической интеграции и их систем. Соответствующие показатели в рамках проектов ряда органов и институтов рассчитываются для ЕС, АСЕАН и т. п., результаты своего мониторинга и оценок интеграционных процессов публикуют Евразийский банк развития (ЕАБР) и Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК)³. Предлагаются разного рода экспертные методологические разработки и оценки [6, 13].

Приведём выборочные оценки, взяв в качестве примера результаты наработок ЕЭК. Сводный индекс глубины интеграции показывает, что в начале 2020-х гг. наиболее тесное и интенсивное взаимодействие внутри интеграционной группы наблюдалось в рамках ЕС⁴, лидирующие позиции Евросоюза отмечены и по уровню индикаторов, сгруппированных по ряду направлений (по институциональной интеграции, интеграции в ключевых секторах, на основных рынках и макроэкономической конвергенции)⁵.

Однако, согласно выводам экспертов, проводивших анализ более ранних зарубежных оценок европейской интеграции (классический подход и метод для их получения связывают с разработками Б. Балассы 1960-х–1970-х гг.), «...первые измерения эффектов экономической интеграции в Западной Европе показали, что эффекты создания торговли действительно превышают эффекты отклонения торговли, но составляют менее 1% ВВП стран-членов» (подробнее [7, с. 354–355] со ссылками на ранние работы «оценщиков» интеграции).

Неоднозначность оценки эффективности евроинтеграционной модели подтверждает практика. Возрастающая сложность управления, «делегирование» суверенитета стран по чувствительным для них вопросам общеевропейскому центру, давление «старших» участников интеграции на «младших», засилье евробюрократии и многие другие отрицательные эффекты данной модели расшатывают ЕС. Более того, в современный период прогресс углубления европейской интеграции остаётся под вопросом.

В то же время в других интеграционных объединениях отмечается более мощная позитивная динамика сближения. Так, исходя из сравнительного анализа и оценок ЕЭК, за 2007–2017 гг. динамика субиндекса институциональной интеграции стран ЕАЭС⁶ показала существенный прогресс (рост с 43 до 72 пунктов) по сравнению с Евросоюзом, застрявшим в течение десятилетия на 89 пунктах. Более того, сводная оценка интеграционных процессов за 2011–2017 гг. демонстрирует рост от 56 до 70 пунктов для ЕАЭС при некотором снижении (с 93 до 92 пунктов) для ЕС. Похожая ситуация – в динамике субиндекса интеграции на рынке капитала, что свидетельствует о прилич-

³ ЕЭК (2019) Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений. М.: ЕЭК. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatoriy-integratsii-2019.pdf>. Далее – ЕЭК (2019).

⁴ См. подробнее: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d9/Spravka_-rezultaty-obnovleniya-2021-v2.pdf?ysclid=ldh4dtqqso356206943 (Индикаторы интеграции в рамках ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и ЮАТС).

⁵ ЕЭК (2019).

⁶ Временной интервал указан с учётом логики анализа до и после активизации интеграции в середине 2010-х гг.

ных успехах ЕАЭС (прирост от 32 до 46 пунктов) и нелучших временах для ЕС (сокращение с 90 до 85 пунктов)⁷.

Таким образом, в Евросоюзе динамика важных показателей и индикаторов интеграции за проанализированные периоды не отличалась существенным прогрессом, чего нельзя сказать о ЕАЭС, который, по выводам экспертов ЕЭК, несмотря на свою относительную молодость, «опережает по уровню интеграции и МЕРКОСУР, и АСЕАН»⁸.

Результаты чисто экономических процессов в рамках евроинтеграционной модели не могут не отразиться на состоянии общества, социальной компоненте, что подтверждают результаты анализа динамики индекса человеческого развития (ИЧР). Согласно экспертным оценкам, ИЧР новых стран-членов Евросоюза свидетельствует о нереализованном социально-экономическом потенциале интеграции: среднегодовой прирост индекса за 2010–2018 гг. оказался для Румынии в 4 раза ниже значений 2000–2010 гг.; для Венгрии, Латвии, Словакии, Словении, Хорватии и Чехии – в 2 раза и более [14, с. 11–12].

Тем не менее на протяжении длительного времени (примерно до событий второй половины 2010-х гг.) имидж европейской интеграции поддерживался на весьма высоком уровне: отмечались её прогрессивность, уникальность и непревзойдённость. Евросоюз, как ни одна другая интеграционная группа, смог соответствовать образцовой и эталонной модели, созданной теорией, в которой вопросы во многом подогнаны под ответы.

Во-вторых, для ЕС и на более ранних этапах европейской интеграции, и сейчас характерен относительно низкий уровень солидаризма, несмотря на развитость наднациональных институтов и механизмов и демонстрируемое по известному поводу «европейское единство». Приведем ряд доказательств.

Прежде всего следует упомянуть о двух существенных **антиинтеграционных феноменах**, сказавшихся на дальнейшем развитии европейской интеграции: о грекзите и брекзите (от англ. «*Grexit*» и «*Brexit*» – термины, обозначающие выход Греции и Великобритании из Евросоюза). Причём, если первое событие чуть не произошло в 2015 г. (ситуацию спасла в основном Германия) и остаётся потенциальным, то второе – состоялось [15, 16]. Последствия данных феноменов для ЕС огромны. Произошло «развенчание мифа» о ЕС как образцово-показательной и непрерывно прогрессирующей модели интеграции. Обострились вопросы и дискуссии о выгоды/невыгоды (прежде всего – экономической) интеграции для каждого государства, преследующего собственные интересы, и многие другие [7, 16]. Однако в данном случае речь не идёт о том, что для ЕС, выражаясь словами С. Есенина, «скатилась со счастья вожага» или у него вообще нет интеграционных достижений. Здесь лишь отмечается, что созданный образ европейской интеграции излишне идеализирован, а большая часть позитивных результатов первых её стадий либо была предопределена условиями взаимодействия соответствующих государств, либо они состоялись бы и без интеграции по нынешней евромодели.

Подчеркнём, что сам факт возникновения антиинтеграционных феноменов свидетельствует, что экономические интересы (и представления о политико-экономических выгодах), которые ставились во главу угла в процессе интеграции, могут перестать совпадать в силу рационального экономического поведения и экономического эгоизма, а посему представляются ненадёжной, во многом искусственной и временной «спайкой» для интеграционных процессов современности.

⁷ ЕЭК (2019), с. 68–75.

⁸ Там же, с. 74–75.

Открытое нежелание участвовать в интеграционных проектах или интеграции в целом европейские страны (в особенности Норвегия, Швейцария, Исландия) демонстрировали и раньше. Это ярко проявилось при создании ЭВС и шенгенской зоны (примеры Великобритании и Дании). Более того, соответствующие процессы существенно затормаживались именно тогда, когда развитие интеграции требовало большей активизации совместных усилий и создания новых форм и пространств объединения – «позитивной интеграции». К примеру, путь к валютному союзу, отмеченный провалами проектов и инициатив, растянулся более чем на 40 лет [7, с. 20]. Безусловно, для качественной интеграции необходима постепенность, однако, будь уровень солидаризма выше, прогрессивная европейская интеграционная группа могла бы существенно сократить сроки построения ЭВС и преодоления ряда кризисов (суверенных долгов, миграционного и т. п.).

Его низкий показатель сказывается и на глубине взаимоуважения стран-участниц ЕС. Об этом красноречиво свидетельствует активное использование аббревиатуры *PIGS* (англ. – *свиньи*) для выказывания неуважительного отношения к Португалии (*P*), Италии (*I*), Греции (*G*) и Испании (*S*) из-за несоблюдения экономических критериев (критериев конвергенции), до условленной «планки» которых они не смогли дотянуть по объективным причинам.

Отсутствие взаимопонимания и согласованности интересов проявляется и во внешней политике ЕС. Например, наблюдалась существенная разница во взглядах государств-участников на введение санкционного режима в отношении России⁹.

В-третьих, особого внимания требует развитие **евроскептицизма в обществе вследствие устойчивости его тренда, в том числе нарастания коллективного разочарования в эффективности европроекта.** Исследователи рекомендуют политическим элитам не столько концентрироваться на интеграционном прогрессе, сколько всесторонне изучать природу, причины и особенности евроскептицизма; не рассчитывать в ближайшее время на углубление интеграции, но попытаться сохранить достигнутые ранее уровень и целостность [17].

Наконец, в-четвертых, **ряд положений и теорий интеграции подвергаются серьёзной критике.** Это относится не только к вопросам выделения стадий интеграции, но и к переоценке потенциала экономики к саморегулированию, необходимости наличия «гегемона» (хотя данный термин определяет не столько движущую силу интеграции, сколько субъекта, стремящегося к господству над другими) и др.

Очевидно, что сложившаяся теоретическая база интеграции, особенно представления о ней на основе мифологизированного образа ЕС, не дают ответов на практические вопросы, вызовы и потребности; необходим иной подход к её определению, классификации стадий и оценке результатов.

Ноономика и интеграция

Созданное одним из авторов настоящей работы [2, 3] учение о ноономике представляет собой систему оригинальных теоретических положений, составляющих научную теорию о закономерностях формирования и развития ноообщества. Кратко изложим его ключевые идеи и содержательные выводы с учётом целей настоящего исследования.

Прежде всего, это учение не столь тесно связано с классическими идеями о ноосфере, к которой отсылает созвучие основных терминов (общая часть «ноос», от греч. –

⁹ См. подробнее: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2021/61b9a8f59a794704eda90f46?ysclid=ldo3mdtjs7465120259>; <https://interaffairs.ru/news/show/36620?ysclid=ldo3owcd5s378357292>.

мысль, разум) и с которой ноономика как особая стадия цивилизационного развития «соприкасается» своими результатами. В большей степени оно сопряжено с теорией смены технологических укладов (ТУ) и концепцией смены мирохозяйственных укладов (МХУ) в актуальной и нестандартной трактовке производительных сил и производственных отношений с переосмыслением роли НТП, предложенными С. Ю. Глазьевым [4].

Базовой категорией и главным элементом фундамента теории ноономики является **знание**, через которое объясняется социальное развитие и трактуются ключевые понятия (НТП, потребности человека и общества, технологии и производство, культура, ценности и т. д.). Отсюда выводится основная характеристика, позволяющая сравнивать и чётко различать каждый из обозначенных (к настоящему времени) шести ТУ. Это – **знаниеёмкость** производства, нарастающая в ходе последовательной смены ТУ и способствующая сокращению иных «ёмкостей» (материало-, фондо-, энерго-, ресурсо- и т. п.) (см. «Крест Бодрунова» [2, с. 72]). Причём, процесс возникновения новых технологий и переоценка возможностей НТП как основного фактора социально-экономического развития трактуются посредством сформулированного ранее **закона «взаимной сочетаемости», или PR-закона** (от англ. $P=penetration$, $R=readiness$)¹⁰ [2, с. 151–165].

В свою очередь, ключевые понятия или сопутствующие категории с течением времени влияют на базовую. Например, расширение знания, познание окружающего мира определяют новые потребности человека и общества, которые стимулируют открытие новых сфер знания – уже для удовлетворения этих новых потребностей. Технологии и НТП предстают как формы воплощённого Знания. Существуют особые виды воплощённого Знания – высшие. К ним относятся: религия, которая является данным свыше знанием, а также ценности и культура – знания, приобретаемые человеком в процессе социализации и призванные, сняв нейтральность знания открываемого, установить для него морально-этические границы. В этом смысле знание есть «величайшая сила», как справедливо заметил Ф. Бэкон. Представляется, что без подобной философской основы или даже **ноофилософии** (как одного из новых направлений философской мысли¹¹) невозможно говорить о фундаментальных закономерностях развития человечества.

Переживающий становление ТУ-VI в определении теории ноономики связан с зарождением **принципиально нового типа материального производства – знаниеинтенсивного** [2, 3], что ведёт к формированию нового общественного устройства – нового индустриального общества следующего поколения – НИО.2.

Согласно гипотезе А. Э. Айвазова и концепции смены МХУ С. Ю. Глазьева [4, с. 48], в рамках одного МХУ может обнаруживаться до двух жизненных циклов ТУ. По нашему предположению, образование НИО.2, генезис которого наблюдается сегодня, произойдет на стыке ТУ-VI и ТУ-VII в рамках развития интегрального мирохозяйственного уклада, возникающего в ходе последовательной смены предыдущих МХУ (торгового, колониального, имперского, тесно связанных с системными циклами накопления капитала). Если ТУ-VI – это материальная основа НИО.2, то интегральный МХУ есть институциональная основа перехода от знаниеинтенсивного материального производства к НИО.2.

¹⁰ В оригинальной авторской трактовке: закон риднесс-пенетрационного взаимодействия, устанавливающий, что, чем выше изотропные Р-потенциал и R-потенциал взаимодействующих объектов, тем выше вероятность возникновения соответствующего процесса развития.

¹¹ См., например, цикл статей С. Д. Бодрунова в журнале «Вопросы философии».

Наконец, выделяемый нами в процессе становления интегрального МХУ седьмой ТУ характеризуется эволюцией знаниеинтенсивного материального производства до уровня **нооинтенсивного (или ноопроизводства)**. Последний ассоциируется: а) с превращением знания в основной фактор производства; б) двухвекторным развитием знания (по направлениям «знание – технология» и «знание – культура», отражающим прогресс НТП и личностное совершенствование человека с ростом духовных потребностей и ноопотребностей – в первую очередь ноопроизводство личности); в) последующим выходом человека за пределы материального производства с сохранением функций организации производственной сферы, управления ею и контроля над ней.

Прогнозируемый в рамках данной теории период формирования **ноономики как неэкономического способа удовлетворения потребностей человека и социума** и управления развитием на основе понимания его закономерностей, а также ноообщества – ТУ-VII и, следовательно, вторая половина жизненного цикла интегрального МХУ.

НИО.2 – это пока этап экономического развития, однако уже на этом этапе экономические мотивы в механизме удовлетворения потребностей, с прогрессирующим диффузией собственности [18], постепенно уступают место неэкономическим, и ценности начинают превалировать над экономическими интересами. Формируемое в ходе его эволюции **нооценностное ядро** представляет собой новую социальную базу, предтечу изменения направленности прогресса цивилизации к нооразвитию, являющемуся прямым путем к образованию ноообщества, поворотной вехой траектории глобальной трансформации цивилизации в ноосферное существование [3], о котором писали В. И. Вернадский и Э. Ле Руа.

Ноообщество в представлении теории ноономики и есть та самая идеальная сфера (или ноосфера) в общественном устройстве, о которой грезили классики-ноосферисты. Его генезис, ассоциируемый с «квадригой ноономики» (НТП, диффузия собственности, социализация общества и солидаризм [18]), прослеживается уже сегодня. Его императивы – десимулятизация потребностей, переход к ноокритериальной базе ценностей, этические границы для безграничного знания и возникновение **ноочеловека**. Формирование такого общества в корне изменит современное представление о демократии, государстве и управлении социальным развитием. С помощью НТП и новейших технологических решений общество перейдет к самоуправлению, в котором подлинным центром управления станет не набор формальных институтов [19]), а нооценностное ядро, формирующее нооинституты и феномен постгосударства. Человек в ноообществе будет жить в соответствии с личными и общими ноопринципами – это и есть (в нашей трактовке) истинная ноосфера, достижение которой возможно только благодаря переходу к ноономике и посредством ноономики. Всё перечисленное – не утопия, а научно обоснованная реальность, к воплощению которой уже идут Китай и Индия, рассматриваемые С. Ю. Глазьевым (наряду с Россией) в качестве ядра нового, интегрального МХУ.

Подчеркнём, что мы не идеализируем текущую ситуацию, для нас это – поворотная точка современного периода развития к началу полноценного нооперехода. Как показал С. Ю. Глазьев, происходящая смена ТУ и МХУ – самый сложный в истории человечества, чреватый катастрофическим развитием событий), связанный с трансформацией их «ядра» и обострением конфликтов, нарастанием рисков остановки позитивного развития цивилизации, и одновременно – это период творческого расцвета общества, нацеленного на поиск новых путей и форм прогресса [4].

Отметим, что историческая «развилка» с выходами на обозначенные выше сценарии (позитивный – развитие нового, интегрального МХУ и негативный – катастрофический) сохраняется.

В контексте настоящего исследования формирование ТУ-VII и интегрального МХУ становится знаковым. Более того, само название нового мирохозяйственного уклада – *интегральный* – отсылает не столько к идее интегрального общества, сколько к понятию *интеграция*, которое становится ключевым и определяющим для социального развития на данной стадии.

Что же есть интеграция в контексте ноономики? И существует ли интеграция при отмирании экономики, без традиционной увязки с которой сложно представить, а тем более оценивать, анализируемый процесс? Ответ принципиален. Интеграционные процессы не только актуальны в рамках продвижения к ноономике, они имеют особое значение для её формирования и становления.

Заметим, что прежние акценты существенно смещаются, вплоть до того, что потребуется иное название и определение этих процессов: *нооинтеграция* или интеграция на основе знаний, общих высших ценностей (нооценностей – вечных ценностей, проверенных временем и формирующих пространство ноономики – и их ядра) и этико-культурных принципов, взаимопонимания. На доноономической стадии – это основной фактор и двигатель экономической интеграции (из экономики рождается ноономика – это логично) и одна из форм проявления международного солидаризма/взаимопомощи; на ноономической стадии – один из показателей и ускорителей развития ноообщества.

Более того, экономическая интеграция, основанная на неэкономических принципах и ценностях, гораздо прочнее. Экономические реалии переменчивы, ценности – вечны.

Евразийская интеграция или Евразийская нооинтеграция – разница есть!

Евразийская интеграция обычно ассоциируется с интеграционными процессами на постсоветском пространстве как в малом масштабе, например в рамках ЕАЭС, так и в широком – в «поясе соседства» с его ближайшими государствами-партнёрами. В числе таких мегапроектов выделяется концепция Большого Евразийского партнёрства [20] как идея интеграции интеграций. Некоторые авторы подразделяют евразийскую интеграцию на постсоветскую и континентальную, включая Европу, Северную и Центральную Евразию (постсоветский мир), Восточную, Южную и Западную Азию [21, с. 9]. В контексте данного исследования евразийская интеграция анализируется как объект, зачастую противопоставляемый ЕС и сравниваемый с ним.

Достижения евразийской интеграции (за исключением показателей динамики), оцениваемые по классическим лекалам экономической интеграции, выглядят пока довольно скромно по сравнению с европейскими (см. данные по ЕАЭС и ЕС и приведенные источники), хотя даже при первом взгляде очевидна колоссальная разница в стартовых условиях. Здесь важнее обратить внимание не на разницу в показателях на сегодня, а на различие в динамике этих показателей, где ЕАЭС выглядит довольно уверенно. По нашему мнению, участники ЕАЭС больше опираются на принципы нооинтеграции, чем Евросоюз (хотя отдельные её элементы и здесь реализуются), тем не менее пока ещё сами недооценивают результаты и перспективы этого уникального пути, продолжая «меряться» с другими интеграционными группами экономическими индексами, которые заточены не под них, не учитывают их особенности и преимущества и по уровню которых они заведомо проигрывают. Это не добавляет «психологиче-

ского оптимизма» евразийской интеграции, обладающей огромным объединяющим и взаимодополняющим потенциалом.

Для реальной оценки хода, результатов и перспектив евразийской интеграции любого формата и масштаба необходим пересмотр чисто экономических и политико-экономических подходов к выделению стадий и конструированию механизмов этой интеграции как ноофеномена – того, что наши страны интуитивно выстраивают на евразийском пространстве, но что пока не сформулировано так же чётко, последовательно и логично, как более просто «калькулируемая» экономическая интеграция.

Это вовсе не означает, что переработка подхода к анализу интеграции полностью отвергает или отрицает экономическую интеграцию. Предлагается лишь не концентрироваться исключительно на экономике и экономических интересах стран-участниц, а анализировать интеграционные процессы «в разных измерениях», иначе расставляя акценты при их оценке.

К примеру, наряду со стадиями экономической интеграции можно включать в анализ стадии нооинтеграции (с созданием на каждой – интеграционных институтов), в которую первая логично войдет в качестве составного элемента:

- 1) единое нооценностное пространство и пространство культурного обмена;
- 2) единое пространство обмена знаниями и научное пространство;
- 3) единое технологическое и коиндустриальное (от англ. – *co-industrialization*) пространство;
- 4) единое социальное пространство (с широким спектром подпространств);
- 5) высшая стадия нооинтеграции с образованием ноообщества (единых нооинституций) в рамках интегрального МХУ.

Безусловно, данный перечень потребует существенной детализации и проработки, в настоящей работе он рассматривается в качестве предложения к размышлению и широкой дискуссии, а также «начального» проекта интеграционного бизнес-плана для практической реализации.

Среди отличительных черт и характеристик нооинтеграции выделим следующие (допускаются дополнения к приведенному перечню):

- снятие требования географической близости государств-участников как условия эффективности интеграции;
- допущение разноразности их экономического развития;
- отрицание гегемонизма в любых проявлениях и формах, допущение наличия лишь инициативного ядра стран-членов;
- опора на неэкономические принципы и интересы интеграции без отрицания необходимости (но не первостепенности) её экономической составляющей (на этапе НИО.2);
- понимание интеграции не как регионального обособления интеграционной группы от остального общества и мира, а как объединяющего начала и воплощения солидаризма;
- отсутствие проблемы так называемой конкуренции регионализмов.

В контексте нооинтеграции иначе воспринимается и роль России как одной из стран ядра интегрального МХУ и одного из важнейших интеграторов на евразийском пространстве. Обычно в рассуждениях о России как интеграционном центре Евразии (особенно его постсоветской части) отмечают географические, ресурсно-сырьевые и оборонные характеристики нашего государства. С позиции движения к нооэкономике Россия предстаёт в качестве одной из стран-двигателей нооперехода: а) как пространство, демонстрирующее высокий уровень социального солидаризма, формирования

ноценностей и опор нооинтеграции – с духовной точки зрения; б) при условии запуска процессов реиндустриализации на основе технологий следующего ТУ [22, 23] – с экономической точки зрения.

Заключение

Реальная интеграция – не есть воплощённая в чистом виде экономика, это нечто большее и высшее для общества; отчасти поэтому новому мирохозяйственному укладу *должно и суждено* (напомним читателю о философских идеях, касающихся взаимоотношений «сущего» и «должного» Н. Кондратьева) носить название в её честь – Интегральный. Однако на практике данный вывод оказывается не столь очевидным: многие десятилетия экономический и политико-экономический интерес и принцип лежат в основе теории и практики интеграции, что привело к завышенным оценкам эффективности и глубины интеграционных процессов на европейском пространстве и недооценке перспектив других форматов интеграции, включая евразийское направление.

Метод теории ноономики позволяет выстроить иной подход к трактовке интеграции, выделению её стадий и анализу успешности на каждой из них. По этому поводу можно процитировать русского поэта Ф. Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

На наш взгляд, слова классика помогают понять *природу интеграции как ноофеномена*.

Список литературы

1. Гринберг, Р. С. Новая экономика: оптимальные модели / Р. С. Гринберг // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2013. – Т. 173. – С. 14–34.
2. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
3. Бодрунов, С. Д. Ноономика: траектория глобальной трансформации / С. Д. Бодрунов. М.: ИНИР; Культурная революция. – 2020. – 224 с.
4. Глазьев, С. Ю. За горизонтом конца истории / С. Ю. Глазьев. – М.: Проспект, 2021. – 416 с.
5. Международные экономические отношения: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / под ред. В. Е. Рыбалкина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 591 с.
6. Зуев, В. Методология классификации и оценки форм региональной интеграции / В. Зуев // Евразийская экономическая интеграция (ЕЭИ). – 2014. – Май. – №3(24). – С. 25–43.
7. Волгина, Н. А. Международная экономика: учеб. пособие / Н. А. Волгина. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.
8. Европейская интеграция: учебник / под ред. О. В. Буторина. – М.: Издат. дом «Деловая литература», 2011. – 720 с.
9. Ткаченко, С. Л. БРИКС и новая модель гегемонистской стабильности / С. Л. Ткаченко, У. Койл // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2020. – Т. 13. – Вып. 3. – С. 294–309. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.301>.
10. Кувалдин, В. Б. Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения: учеб. пособие / В. Б. Кувалдин. – М.: Магистр, 2009. – 207 с.

11. Hooghe L., Marks G. (2019) Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy*, vol.26, no. 8, pp. 1113-1133, DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
12. Baldwin R. E., Martin P. (1999) Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences / NBER. Working Paper No. w6904.
13. Кавешников, Н. Ю. Эволюция процедур принятия решений в ЕС как параметр глубины интеграции / Н. Ю. Кавешников // Современная Европа. – 2020. – №5. – С. 77–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520207788>.
14. Социальные стимулы и барьеры межгосударственной интеграции (европейский и постсоветский опыт): науч. докл. / ред. Л. Б. Вардомский, Т. В. Соколова. – М.: Институт экономики РАН, 2020. – 48 с.
15. Громыко, Ал. А. Новая реальность и европейская безопасность / Ал. А. Громыко // Современная Европа. – 2016. – №5. – С. 5–10. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520160620>.
16. Буторина, О. В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции / О. В. Буторина // Современная Европа. – 2020. – №2. – С. 20–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220202032>.
17. Вайнштейн, Г. Евроскептицизм: новый фактор европейской политики / Г. Вайнштейн // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №8. – С. 40–48.
18. Что такое ноономика? / А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР, 2021. – С. 19–92.
19. Бодрунов, С. Д. Ноообщество: интегральное однородное общество на базе нооценностей, полилогия и постгосударство: тезисы к коллоквиуму Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (02 декабря 2021 г.) // Ноономика и ноообщество: альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. – 2022. – Т. 1, №2. – С. 148–151.
20. Глазьев, С. Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого Евразийского партнерства / С. Ю. Глазьев // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21. – №1(159). – С. 6–17.
21. Винокуров, Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция / Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман. – СПб.: ЕАБР, 2012. – 224 с.
22. Бодрунов, С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России: в 2 ч. / С. Д. Бодрунов. – СПб.: ИНИР, 2015.
23. Бодрунов, С. Д. Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики: докл. на открытии Пленарной сессии СПб междунар. экон. конгресса (СПЭК-2019) «Форсайт «Россия»: будущее технологий, экономики и человека» (Санкт-Петербург, 3 апреля 2019 г.) // Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. – Т. IV. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2020. – С. 83–91.

References

1. Grinberg R. S. (2013) *Novaya ekonomika: optimalniye modeli* (New economy: optimal models). *Nauchniye trudi Volnogo Ekonomicheskogo obschestva Rossii*, vol. 173, pp. 14–34.

2. Bodrunov S. D. (2018) *Noonomy*. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya. 432 p.
3. Bodrunov S. D. (2020) *Noonomika: trayektoriya globalnoj transformatsii* [Noonomy: the Trajectory of Global Transformation]. Moscow: INID; Kulturnaya revolyutsiya. 224 p.
4. Glazyev S. Yu. (2021) *Za gorizontom kontsa istorii* [Beyond the horizon of the history's end]. Moscow: Prospect. 416 p.
5. Rybalkin V. E. (Eds). (2008) *International Economic Relations: textbook*. Moscow: UNITY. 591 p.
6. Zuev V. (2014) Methodology of classification and evaluation of regional integration forms. *Eurasian Economic Integration*, May, 3(24), pp. 25–43.
7. Volgina N. A. (2006) *Mezhdunarodnaya ekonomika: uchebnoye posobiye* [International Economics: textbook]. Moscow: Eksmo. 736 p.
8. Butorina O. V. (Eds). (2011) *European Integration: textbook*. Moscow: Izdatelskij dom "Delovaya literatura". 720 p.
9. Tkachenko S. L., Coyle W. (2020) BRICS and a new model of hegemonic stability. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol.13, iss.3, pp. 294–309. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.301>.
10. Kuvaldin V. B. (2009) *Globalnij mir: ekonomika, polotika, mezhdunarodniye otnosheniya: ucheb. posobiye* [Global world: economy, policy, international relations: textbook]. Moscow: Magistr. 207 p.
11. Hooghe L., Marks G. (2019) Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy*, vol. 26, no. 8, pp. 1113–1133, DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711.
12. Baldwin R. E., Martin P. (1999) *Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences* / NBER. Working Paper No. w6904.
13. Kaveshnikov N. (2020) Evolution of Decision Making in the European Union as a Parameter of the Depth of Integration. *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 77–88.
14. Vardomsky L. B., Sokolova T.V. (Eds.). (2020) *Social incentives and barriers to inter-state integration (European and post-Soviet experience): Scientific report*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 48 p.
15. Gromyko Al. A. (2016) *New Reality and European Security*. *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 5–10.
16. Butorina O. (2020) *The Shrinking of the European Union and its Integration Capability*. *Contemporary Europe – Sovremennaya Evropa*, 2, pp. 20–32.
17. Vainshtein G. (2015) *Euro-scepticism: New Factor of European Politics*. *World Economy and International Relations*, 8, pp. 40–48.
18. Bodrunov S. D. (2021) *Chto takoye noonomy?* [What is noonomy?] / Bodrunov S. D. (Eds). *A(O)ntology of Noonomy: the Fourth Technological Revolution and Its Economic, Social and Humanitarian Consequences*. St. Petersburg: INID, pp. 19–92.
19. Bodrunov S. D. (2022) *Noosociety: an integral homogeneous society based on values, polylogy and post-state* (abstracts to the Colloquium of the Witte Institute for New Industrial Development, December 02, 2021) / *Noonomy and Noosociety*. *Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, 2, pp. 19–92.
20. Glaziev S. Y. (2019) *Conceptual Proposals for Practical Implementation of the Big Eurasian Partnership Idea*. *Ekonomicheskiye strategii*, vol. 21, 1(159), pp. 6–17.
21. Vinokurov E. Y., Libman A. M. (2012) *Evrazijskaya kontinentalnaya intergatsiya* [Eurasian continental integration]. St. Petersburg: EABR. 224 p.

22. Bodrunov S. D. (2015) Formirovaniye strategii reindustrializatsii Rossii [Formation of Russia's reindustrialization strategy]. In 2 parts. St. Petersburg: INIR.

23. Bodrunov S. D. (2020) Tekhnologicheskaya revolutsiya trebuetsya glubokogo reformirovaniya ekonomiki. Doklad na otkritii Plenarnoy sessii Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo kongressa (SPEK-2019) "Forsajt "Rossiya": budushee tekhnologiy, ekonomiki i cheloveka" (Sankt-Peterburg, 3 aprelya, 2019 g.) [The technological revolution requires a deep reform of the economy. The Plenary Session opening report of the St. Petersburg International Economic Congress (SPEC-2019) "Foresight "Russia": The Future of technologies, economy and man" (St. Petersburg, April 3, 2019)]. In: Bodrunov S. D. (Eds.) (2020) The new industrial society: origins, reality, the future. Noonomy. Vol. IV (Selected materials of seminars, publications and events of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) on the concept of a new industrial society of the second generation and the new nooindustrial development of society). St. Petersburg: INID. P. 83–91.

V. V. Arkhipova¹². Integration Processes in the World Economy: a Nooapproach and Development of Eurasian Space. Within the current conditions and realities – namely, aggravation of inter-country conflicts, continuous chains of financial and economic crises, unpredictable epidemics and pandemic, increasing threats and risks to the existence of humanity – issues of integration and solidarity are becoming particularly relevant. At the same time, the existing theories of integration and approaches to its interpretation, identification of stages and evaluation of results are very specific due to the concentration mainly on economic and political-economic processes, as well as often because of their "sharpening" for the European Union. The purpose of this paper is to develop an alternative (to the "classical" one) approach to the determination and analysis of integration based on the theory of noonomy worked out by S. D. Bodrunov. The article provides evidence of an overestimating the results of European integration, based mainly on the creation in theory and practice of its idealized image of this continuously progressive and exemplary model that stands out from the rest of the world. The basic provisions and conclusions of noonomy, the "parallels" of this theory and the results of its "conjugation" with the theory of changing technological modes and the concept of changing world economic modes, worked out by S. Y. Glazyev, are presented. We enter the concept of "noo-integration", highlight its main stages and analyze the differences and correlation of its processes with classical integration. It is explained why noo-integration, without denying economic integration at the pre-noonomic stage of public life, turns out to be of a higher priority and more useful for the harmonious joint development of the Eurasian space and its participating countries than the classical integration model.

Keywords: integration, EU, noonomy, nootransition, EAEU, Eurasian area, noo-integration.

¹² *Violetta V. Arkhipova*, Senior Research Fellow of the Center for International Macroeconomics and International Economic Relations at the Institute of Economics of RAS (32 Nakhimovsky pr., Moscow 117218, Russia), Candidate of Economic Sciences, e-mail: q123zv@yandex.ru